

18+

ШРАЙ

**СИСЯ
ФИГАСЕ**

Шрай
Сися Фигасе

«Издательские решения»

Шрай

Сися Фигасе / Шрай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687613-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Я вижу, тебя заинтриговало название. К концу первого предложения станет ясно, что оно значит, а если продолжишь читать, то поймёшь и всё остальное: и про симуляцию, и про телепортчики, и про психонавтов со свистоблятками. В чём связь между фильмом «Шоу Трумана» и пылевыми клещами, как ворона может быть хакером, что такое помехарики и многое другое. Холый факхин щит! Чего тут только нет. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-687613-2

© Шрай
© Издательские решения

Содержание

Эко	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сися Фигасе

Шрай

Так это манчикам, броч.

Так это манчикам.

Не типчикам,

Не тянчикам.

Манчикам.

Загаметриксы.

И сута-дута мя.

И все, как в Матрице,

Эй!

Мц Барбарис

Корректор Алексей Леснянский

© Шрай, 2025

ISBN 978-5-0068-7613-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эко

Сися Фигасе ненавидел ждать. Он был, несомненно, в этом крайне хорош, но ненавидел тем не менее. Его нетерпеливость проявлялась лишь в сжимании-разжимании пальцев ног внутри ботинок. Благо его вездесущая маман не обладала способностью экскреть сквозь поверхность его школьных шузов и не догадывалась о страданиях сына. По крайней мере, Сися на это рассчитывал.

Маман опаздывала на свою ежегодную встречу свистобляток и носилась из угла в угол на четырехколесных домашних роликах, мелькая своей байкерской бородой то тут, то там. Если бы не опоздание уже на целых десять минут (будьте прокляты ключи, где же эти ключи) и если бы не тот факт, что ее выступление в этом году было первым, она б непременно обратила внимание на вспотевшие брови Сиси, раздраженный оскал его жующих челюстей и его ритмичное поцокивание. Ведь на самом деле Сися был вовсе не так хорош в сокрытии своего нетерпения, как ему казалось. Фактически он был в этом деле одним из худших. Но его бородастая мама не замечала все равно. Ей было не до этого.

– Может, ты на них сидишь? – пискнул ее гусячий голос, и она остановилась в дверном проеме. Сися ощущал невозмутимую ровность стула жопой, но привстал тем не менее продемонстрировать отсутствие ключей. Вероятно, эта сцена триггернула некую коробочку в ее памяти, и она хлопнула себя ладонью по лбу – шмяк – так что колокольчики в ее висячих сережках серебрятно закачались. Не теряя ни мгновения, она прошелестела колесиками роликов до комода в гостиной, распахнула его театральным взмахом и выщипнула из хрустальной вазы связку ключей.

– Давай, я понеслась. Не шали.

Хлопнула входная дверь, и Сися выждал десять контрольных секунд, не шевелясь, ожидая маманского возврата за очередной забытой вещью.

Материнскому указу он следовать был не намерен – последние десять дней он только об этом и думал. Конечно, «шалить» – это не тот глагол, что пришел бы ему на ум для описания грядущего. Скорее – поджечь, или, как выражались старики, – вспальнуть. Сисе нравилось говорить как старики. От этого его собственные девять лет не казались настолько одноциферным числом.

– Вспальнуть, – прошептал он вслух, смачно выстрельнув – ттть. – Так, – сказал он и хлопнул в ладоши. – Пора.

Соблюдать cool было не перед кем, и он по-мальчишески побежал в свою комнату и крикнул Сисе, домашнему голосу-ассистенту:

– Мотоциклетный наряд!

Из стены выехала вешалка с механической рукой, на указательном пальце которой висел желто-черный осиный костюм – воистину мотоциклетный, разве что без шлема. Путаясь и елозя, он натянул комбинезон и мельком глянул в зеркало на стене: блондин, коротко пострижен, немного вздернутый нос, подбородок с большой буквы П, разрез глаз шкодливый, губы – типа «закусил». Взъерошен, взбудоражен.

Сперва Сися рванул в сторону двери, но передумал – переродиться было быстрее, чем спускаться на лифте, тем более что в лифте есть камера и его бородастая мамаша могла посмотреть запись, случись что непредвиденное. Хотя, конечно, ничего непредвиденного случиться было не должно. Сися ничего такого не предвидел.

Он ощутил надвигающийся чих и замер в ожидании. Чих так и не пришел. Сися пожал плечами, распахнул окно, взобрался на подоконник и разбился насмерть.

Одно из преимуществ перерождения заключается в том, что в зависимости от локации на воскрешенном теле появляется соответствующая обувь. Исторически так сложилось из-за давнишнего судебного разбирательства между двумя политиками, когда президента какой-то давно забытой республики переехал слепой таксист в тот самый момент, когда свежепереродившийся политикан менял туфли на кроссовки.

Политикан переродился босиком и отморозил себе ступни. В результате суд протолкнул сразу две реформы: первая заключалась в том, что отныне слепые водители были обязаны наклеивать стикеры на свои авто «Я слепой, посторонись!», что были продублированы на ста восьмидесяти языках, включая Брайль, тем самым залепляя лобовое стекло чуть менее, чем полностью. Благо слепым водителям это не мешало ничуть.

Вторая реформа – если ты переродился снаружи, то госуцарственная программа, основываясь на данных об окружающей погоде и поверхности, высчитывала надлежащие шузы из виртуального гардероба и новорожденный являлся обутом.

Сися отряхнул мотоциклетный комбинезон, щелкнул кнопкой на роликах и покатился по улице прочь от самозатягивающегося кровавого пятна с его предыдущим, теперь полупрозрачным телом.

Разумеется, симуляция не воскрешала кого не попадя за бесплатно, пас давался только детям до 14 лет, после чего умирающим приходилось платить за ресурс процессора, который неустанно продолжал симуляцию где-то там, за ее пределами.

Отсюда, к слову, и пошла традиция ритуально поканчивать с собой за день до официального четырнадцатилетия в последний халявный раз. Это теперь было настолько превалентно, что все модные пики скал и суицидальные башни были зарезервированы на год вперед.

Достигнув хайвэя, Сися вщелкнулся роликами в рельсы, и поток подхватил его к пункту назначения – локальной телепорточки. Насыщенный озоном городской ветер хлестал по щекам, солнце играло бликами по хромовым шпильям и стеклянным офисным башням Сутулой Пурги – городе, в котором Сися родился, вырос и (несчетное количество раз) умер.

День выдался солнечным, синим и хрустким. Ледяной ободок сдавливал щиколотки Сиси там, где ролик крепился к рельсу хайвэя. Мотоциклетный комбинезон прилегал неплотно, и то и дело ему задувало в штанину холодной струей.

Чтобы отвлечься, Сися глянул в свой внутренний чат. Зрители, как и ожидалось, бушевали в преддверии вспалева – занятия, которое, согласно его маме, попадало под категорию «шалость». «Да ладно тебе уж, – подумал Сися, – ничего такого страшного. Взрослые то и дело вспаливают – и ниче».

В ответ на его мысли во внутренний чат посыпались изображения Капитаныча – одноглазого моряка с залихватской трубкой в зубах и надписью «Эко!».

Сисю снова обдало холодком, на этот раз изнутри, и он поспешно свернул чат, ведь, несмотря на его (абсолютную) уверенность в безопасности подпалева, он, конечно, знал, почему детям этим запрещено заниматься. В среднем четыре юзера в год забывались в персоне Капитаныча и, кроме как «Эко!», ничего не могли более сказать.

Телепорточный маяк засиял на горизонте, и Сися отконнектился от хайвэйной рельсы, снижая скорость, мелькая лампочками на колесах роликов.

* * *

Фойе Телепорточки агрессивно мерцало. Под потолком вращался дискобол, отбрасывая вспышки на блестяшки, впаянные в каменные стены. Форма помещения была как тубик зубной пасты, в основании которой за круглым стеклом восседал на табурете оператор: тощий, с длинной шеей и лампочкоподобной головой, с круглыми очками на миниатюрных глазах. Его

бледная кожа контрастировала с полоской розового глиттера на переносице. Это был, пожалуй, самый депрессивный индивид в истории индивидов.

Как известно, стекло было односторонним, с прозрачностью наружу, так что клиент видел оператора, а оператор смотрел на собственное отражение, полагаясь на голос клиента для определения возраста.

Разумеется, телепортироваться до 14 лет позволялось только со взрослыми, посему план Сиси всецело полагался на односторонность стекла и его способность имитировать хриплый бас. Благо в деле имитации Сися был мастер. Он прокашлялся, настраивая инструмент.

– Добрый день, оператор. Телепорт в один конец – до Пасечки Кентавра.

Цок, полуденный оператор Телепорточки имени Енина, не улыбнулся в ответ. Перед ним стоял малец не старше десяти, в комбинезоне цвета яичного желтка и пытался сойти за взрослого, хрипя и корча голосовыми связками. Слух о том, что стекло оператора было односторонним, распространялся в школах испокон веков. Гениальный ход бюро эдьюкации, один из немногих. Большинство операторов ждали мальцов с нетерпением и с трудом сдерживали смех, когда очередной юнец пытался сойти за взрослого. Но Цоку сегодня было не до смеха.

Его личные дела шли скверно. Вот уже который год на романтическом фронте сплошные говнометы. Вчерашнее свидание с Тиарой – тому яркий пример. На глазной сетчатке Цока все еще горела ее ироничная ухмылка.

– Оператор Телепорточки? В двадцать три года? А как так?

– Возраст, – сказал Цок в микрофон наждачным голосом.

– Тридцать два, – прокряхтел Сися.

– Реклама, – сказал Цок и не глядя дотянулся до патефона за спиной, толкнул пальцем иглу на рекламную пластинку, и возбужденный баритон вырвался на свободу: «Чувствуешь себя неважно? Ни о чем? Дела так се? Ма-а-азь! Поможет! Тебе! Эй ты! Понурый хрен! Завяжи-вай! Купи ма-а-азь!» Церковный хор подхватил: «Мазь! Мазь! Мазь!», и рекламная пластинка винилово хрустнула, иссякнув. Цок, не оборачиваясь, поднял иглу.

Сися терпеливо ждал. Он был весьма неплох в терпении. Через полторы секунды он набрал воздуха повторить свою точку назначения, но Цок опередил его:

– Имя?

– Пися Пикассо, – выдал свой сверхсекретный псевдоним Сися.

– Сто двадцать денег или два часа рекламы?

У Сиси никогда не было денег. Его бородатая маман придерживалась традиционных устоев: «Сын без бабок на трабл не падок». Или как-то так. Но у Сиси в рукаве в прямом смысле был припрятан козырь на этот самый случай. Адблок. Простенький скрипт, что перенаправлял рекламное время в соседнее измерение, смещая субъективное восприятие юзера таким образом, что реклама, с его точки зрения, проходила незаметно.

– Реклама, – ответил Сися нижайшим басом и нажал на кнопку в рукаве.

На панели Цока зажглась лампочка «адблок». В последнее время все больше мальцов вооружались этим подпольным изобретением, не подозревая, что оно было продуктом «Телепортач Inc» и так же, как и слух про одностороннее стекло оператора, распространялось агентами Телепортача в школах и на детских площадках.

Цок вздохнул и шелкнул тумблером на панели. Двадцать четыре часа рекламы загрузились в подсознание мальчика, готовые активироваться, как только он ляжет спать. Всю последующую неделю он будет переживать рекламу во сне не только в аудиоформате, но и визуально и даже тактильно. По пробуждении его посетят идеи транзакционного характера, которые он примет за свои. «Сублиминальность – это тебе не песий хвост», – подумал Цок и глянул в свой внутренний чат. Его фанаты забрасывали экран цветами и советами романтического типа. Горькая херь шевельнулась в душе, и он свернул чат. Малец тем временем уже пришел в себя, искренне убежденный, что уклонился от рекламы.

«Четко увернулся, – подумал Сися. – Ловкач».

– Проходите. Двадцатая кабинка направо, – раздался голос оператора, и фрагмент сверкающей стены отъехал в сторону с шуршанием шлюза.

Цок пропускал каждого нелегального мальчика. Дело в том, что он вот уже который месяц намеренно пытался лишиться работы, но, согласно его контракту с «Телепортач Inc», если сотрудник самолично подает заявление на уход, то его оставляют без бонуса. Чтобы получить бонус, нужно быть именно уволенным и Цок делал для этого все возможное. Увы, его менеджер тоже пытался быть уволенным по той же самой причине и целенаправленно игнорировал промахи своих нижестоящих. Так же, как и его начальник.

Бонусом являлся пропуск на пожизненный доступ к услугам телепортации без просмотра рекламы. Это, конечно, было обманом. Президент «Телепортач Inc», Кэп, разработал утяжеленную версию подсознательной рекламы, что заменяла все сны на рекламы. Любой уволенный сотрудник Телепортача награждался подобным бонусом, превращаясь тем самым в потребительского зомби. Идея для этой разработки пришла Кэпу на отходах с охуеваски. Позже Кэп пытался отменить содеянное, но так и не смог преодолеть бюрократическую волокиту собственной компании. Чтобы искупить свой грех, он решил вместо этого никого больше не увольнять.

Сися заскользил роликами по коридору, глядя по сторонам на большущие номера кабинок над овальными дверьми: 3, 4, 5, 6... Внутри Телепорточки не было глиттера, дизайн скорее походил на плоскоэкранный компьютер дотрумановской эпохи, который назывался «Макбук». Серые бездушные плоскости.

Докатившись до двадцатой кабинки, он кивнул двери, и та отъехала со все тем же шлюзовым шипением.

Комната была круглая, диаметром в один широкий шаг. На полу была нарисована спираль типа электрической плитки. Она уже накалялась цветом.

Сися снял ролики и повесил их на крючок. Вшитый в колесико правого ролика маяк определял эту кабинку как точку возврата. Вшивать идентификацию в ролики была идея наполовину госуцарства, наполовину «Шаровар Inc». Таким образом, всем пришлось перейти с подошвенных ботинок на ролики – по умолчанию. Департамент дорог также оказался в деле, переделав все дотрумановские дороги в ролечные рельсы. Госуцарство давно перестало притворяться чем-то иным и честно самообозначалось как единственная на рынке ОМОН (организация с монополией на насилие).

Сися чихнул в ладонь, вытер соплю об комбинезон и вступил на телепортачную спираль. – Капитаныч, here I come, – сказал он и закрыл глаза.

* * *

Фильм «Шоу Трумана» вышел в прокат в первом году ПТ (После Трумана), и именно это событие является точкой отсчета текущего летоисчисления. До выхода «Шоу Трумана» (ДТ) время исчислялось от рождения Иисуса – популярного в то время лидера масс. Получается, первый год ПТ — это 1998 год по старому календарю.

1 августа 42 года был официально и бесповоротно признан тот факт, что наш мир не является базовой реальностью, а симулирован на некоем космическом компьютере. Слухи об этом возвращались к тому времени в ноосфере уже добрую сотню лет, но общество в массе своей непреклонно пока:

а) самый недоверчивый скептик не ударится лбом об истину;

б) поколение плоскоэкранных стариков и доинтернетных мамонтов окончательно не довымрет.

Благо в этом конкретном случае доказательства были неопровержимы. Группа парапсихологов провела ритуал, который вошел в анналы истории как пентаграммчик, где они обратились к создателям симуляции с просьбой подтвердить или опровергнуть теорию – подать им знак. В результате все участники ритуала моментально померли, но тут же возродились. С тех пор в симуляции перестали умирать.

Почему эта дата не стала нулевой точкой отсчета? Почему решили считать время от выхода в прокат «Шоу Трумана»? Почему сорок второй год — сорок второй, а не первый? Мнения на этот счет расходятся.

Так или иначе, через два года после того, как все значимые головы научного сообщества планеты поставили свои подписи на документе, на связь вышли гатти. Сначала их называли просто Они (с большой буквы). Но в разговорной речи капитализация заглавных не прокатывает, поэтому возникла необходимость нового наименования. Гатти.

История возникновения термина заслуживает внимания. Вот она.

Контакт с гатти произошел в республике Дииз-Натс — в последнем оплоте скептиков, куда сплотились все те, кто отказывался верить в Симуляцию, решив, что весь остальной мир двинулся умом, а не вперед. Факт бессмертия они объясняли резким эволюционным скачком человечества.

Так вот, в дотрумановскую эпоху в интернете существовал популярный мем: чернокожий парень с выдающимися зубами говорит по мобильному телефону и произносит фразу, что породила термин «гатти»: «Deez Nuts! Gottem!» Произнесено как «дииз натс! Гатти!».

(Читатель/ница, если ты не в курсе, это реальный мем, поищи в сети deez nuts, поймешь о чем речь – прим. автора.)

На этом месте Кэп поставил точку, отложил перьевую ручку в сторону и принялся старательно комкать листы со свеженаписанным, пачкаясь чернилами. Докомкав манускрипт до формы идеального шара, он бросил его в бумажную корзину и промахнулся. Это был восьмой черновик первой главы книги, которая должна была увековечить его имя – «История Симуляции для самых маленьких».

Он все никак не мог собрать мысли в кучу и то и дело устремлялся в сайд-квесты, вместо того чтобы донести свои идеи до юных читателей резонными абзацами.

Помимо историка Кэп был композитором, дизайнером четырехмерных пространств, программистом, молекулярным биологом и президентом компании «Телепортач Инс» с монополией на сервис телепортации.

– Сиба! – позвал виртуального ассистента Кэп.

– Ага, – откликнулся ртутный голос.

– Поставь Merzbow.

– Окей, – отозвался Сиба и включил альбом Merzbow – Pulse Demon, произведение японского безумца дотрумановской эпохи.

Чудовищный шум вырвался из спрятанных в стены колонок – белое шипение вперемешку с катящимся кувырком поездом и электрической зубной щеткой, прогнанной сквозь адский дисторшн.

Кэп закрыл глаза. В завечье замерцали стробоскопью узоры. Сначала геометрические, затем силуэты, пляшущие вокруг костра в пустыне под звездным небом.

– Тук-тук! – раздался голос, и Кэп распахнул глаза. Перед ним стоял персонаж в костюме молотка. В полный рост. Тело – цилиндровая рукоятка, на голове шляпа-молотильник. Гвоздодер на затылке. Все – ярко-салатового цвета. Лицо – острый треугольник усов, узкие, напояженные зеленой губы и напряженные морщины. Это был один из сотрудников Кэпа – Йоп Долпа. Кэп не слышал, как Йоп вошел, из-за грохота Merzbow.

– Сибя! Выключи! – крикнул Кэп, и noise оборвался. Йоп был явно чем-то встревожен. – What’s up? – спросил Кэп.

Йоп повел зелеными бровями.

– Проблема с вероятностями, – сказал он и потупил взгляд. Сплющивание квантовых волн было его непосредственной обязанностью.

– Что на этот раз?

– Кто-то выиграл «Джеки Кэт». Три раза подряд.

Кэп присвистнул. Шанс выиграть лотерею «Джеки Кэт» был один к 14 миллиардам. Приз – очень-очень много денег. Три «Джеки Кэта»? На такую сумму теоретически можно было бы купить целую планетарную систему вместе с обитателями.

– Йоп. Как же так?

Йоп потупился еще сильнее, так что молотильник на его шляпе полностью закрыл лицо, а гвоздодер возвышался вилкой над затылком.

– Мы полагаем, что это Трансмейстер.

Кэп приложил к лицу фейспалм, открыл ящик стола, закрыл, откинулся на спинку стула, руки на затылке. Трансмейстер – это серьезно.

– Ты уверен?

Если это на самом деле так, то действовать было необходимо немедленно. Если верить газетам, то Трансмейстер мог сложить эту реальность как веер, перемешать симуляцию в нон-сенс.

– Слишком невероятная вероятность, – сказал Кэп.

Йоп выпрямился. В глазах его стояли слезы.

– Три «Джеки Кэта». Го. Давай. Иди. Решай. Что тебе нужно?

Йоп утер глаза обратной стороной ладони и хрустнул спиной.

– Ищейки. Катера. Джейсоны.

Кэп щелкнул пальцем:

– Сибя, убедись, что у него все есть. Не скупись на средства. И принеси мою трубку.

– Окей, – откликнулся виртуальный ассистент.

Долпа Йоп цокнул каблуком, развернулся на 180 градусов и мелкими шажками побежал исполнять свой вероятностный долг. В своем молоточном костюме он выглядел как семящая гейша.

«До чего дебильная форма», – в очередной раз подумал Кэп, глядя ему в спину и ухмыльнулся. На столе уже лежала заколоченная Сибой трубка. Кэп тяжело вздохнул и, поднеся трубку к губам, поджег, затянулся, выдохнул.

Прошла минута.

– Эко! – сказал он пустому офису.

* * *

Еще до того, как Сися открыл глаза, он подумал: «Что-то не так». Пахло иначе, и воздух ощущался по-другому. Вероятность телепортации по ложному адресу была минимальной, но на то она и вероятность, чтобы варьироваться. «Только бы успеть домой к вечеру», – промелькнула мысль, но уже через секунду ему было не до этого.

Прямо на Сисю неслась громадная масса. Он судорожно рванул влево, уперся во что-то плечом, вправо – то же самое. Затем он исполнил предсмертный жест, что с незапамятных времен исполнялся хомо сапиенсами – зажмурился и выдохнул случайное проклятие.

Но за исключением дуновения ветерка по ресницам ничего не случилось. Он приоткрыл глаз и увидел всю ту же надвигающуюся массу во все том же надвигающемся состоянии. Она, казалось, вот-вот коснется, но все никак не достигалась.

Сися лежал в каменном гробу с открытой крышкой на пологой скале, а надвигающуюся массу накачанной адреналином мозг наспех окрестил грудой игрушечных паровозиков, прогоняемой через круглый фрагмент палочки для мыльных пузырей. Паровозики были маленькие, но их было квадриллион, и они затмевали собой светило.

После третьего приближения этой конструкции Сися решил, что она не представляет опасности, и при следующем ее отдалении выпрыгнул из гроба, побежал было в сторону, но тут же споткнулся и покатился по холму колбаской. Катился он так долго, что успел заскучать и развернул внутренний чат.

«Держись, старик!» – было первое сообщение от Kubra09.

Buster\$: «Чтозанах?»

Робичаев: «Где это? Телепорточка поломалась? Вот это поворот!»

Font10101_1: «С вероятностями что-то не так, говорил же».

Анон: «Убейся!»

Последнее сообщение напомнило Сисе о виртуальном цианиде, известном как йад. Он бы хлопнул себя по лбу в жесте озарения, но это было в данный момент невозможно исполнить самому – мир вращался и с ритмичной регулярностью бил его лицом об себя сам с каждым оборотом катящегося тела. Он свернул чат, открыл ментальный инвентарь и вытянул из ячейки прозрачную ампулу – ЙАД. На ее месте тут же возникла новая – йад был по умолчанию бесконечен, одинаково смертелен и доступен бесплатно для детей и взрослых. Симуляция была несовершенна, и иногда люди застревали между текстур или проваливались за карту. В прошлом, до Трумана, подобные люди продолжали бродить по улицам, пока их не собьет насмерть какая-нибудь домохозяйка на «Киа форте».

Теперь же застрывшие меж текстур индивиды могли принять йаду и за небольшую сумму переродиться. Несмотря на то что йад сам по себе бесплатен, это считалось как самоубийство, а суицид для взрослых все-таки стоил денег. «Если б самоубивались задаром, – сказал как-то учитель на уроке природоведения, – сервер симуляции могли бы заДДОСить». ДДОС – это такая атака на сервер Симуляции, когда запросы о перерождениях перегружают инфраструктуру и сервак падает. Сервак пока ни разу не падал, но деньги за перерождения государство снимало прилежно и бесперебойно. Государственный нанодатчик вкалывался в младенцев вместе с вакцинами, так что каждое перерождение отсвечивалось на радаре и со счета автоматически снималась небольшая сумма. Если денег на счету не хватало, то начислялся отрицательный баланс и снимался позже, как только средства там появлялись, с процентами.

Сися надломил капсулу и принял йаду. Он тут же переродился в подходящей для ситуации обуви – ботинках для ледяного скалолазания, с крючками на подошвах. Он впился этими крючками в землю, и колбасение по холму прекратилось.

Он огляделся по сторонам. Где-то высоко в небе продолжалось бесконечное надувательство паровозного пузыря, а холм, по которому он скатился уже достаточно далеко вниз, продолжался, похоже, тоже бесконечно. Кроме этих двух элементов, глазу было не за что зацепиться.

– Fuck, – сказал Сися и присел на корточки. Мысли о бородатой маман вернулись, и его обдало холодком. – Как же мне теперь вернуться домой?

Внезапно безо всяких предисловий ему на плечо с характерным хлопком крыла приземлился ворон. Некоторое время Сися продолжал сидеть не шевелясь, глядя вдаль с трагичным видом, игнорируя переступающе-впивающиеся в плечо вороны когти. Ему это казалось крутым – игнорировать. Как в кино, когда спецгент в кожанке не оборачивается на взрыв.

Спустя пару крутейших минут Сися спросил, по-прежнему не глядя:

– Кто ты?

– Зупан, – ответил ворон, коверкая человеческую речь своим птичьим клювом. Его имя прозвучало с ударениями на оба слога.

– Что ты здесь делаешь?

– Стою у тебя на плече.

Сися наконец соизволил посмотреть на Зупана. Ворон был здоровенным, размером с голову Сиси, не меньше.

– Ты имеешь в виду – сидишь?

– А?

– Сидишь у меня на плече.

– Ты дурак, что ли? – Он снова переступил с ноги на ногу, на этот раз демонстративно впиваясь когтями, показывая, что он именно стоит, а не сидит.

Сися поморщился от боли и смахнул ворона с плеча. Зупан приземлился рядом с Сисей и встал на землю.

– Я не могу сесть физически. В этом теле, по крайней мере. Пробовал поначалу. Не для сидения дизайн.

– В этом теле? Ты на самом деле не ворон?

Зупан покосился на него:

– У тебя сига есть или нет?

Сися опешил от внезапной перемены темы:

– Сига? Сигарета? Почему ты...

– Ты сказал fag, разве нет? Это значит «сигарета». На британском.

– Я сказал fuck, – вспомнил Сися.

– А, тогда ладно, я полетел, – Зупан вспорхнул в воздух.

– Постой, ты знаешь, где это мы? Как отсюда выбраться?

– Сначала залазь, потом вылазь, – философски прокаркал он, нарезая круги над головой Сиси. – А ты как сюда попал? Это Дичка, недомирок какого-то девелопера, не знаю точно кого. Он тут гравитацию тестирует. По-моему.

– Я пытался телепортнуться в другое место, но что-то поломалось, и...я здесь. – Сися обхватил колени руками в жесте отчаяния. – Маман меня прикончит. Много раз.

– Oh no, очень very sad, – с сарказмом сказал Зупан. – А ты куда хотел попасть?

– К Капитанычу. Хотел вспальнуть.

Зупан приземлился обратно на скалу и подковылял к Сисе.

– Капитаныч? Тот самый, который Эко? – Он теперь звучал серьезно. Сарказм как крылом сняло.

– Да, – ответил Сися неуверенно. – Но Эко говорят только в худшем случае, если мозг уже сгорел.

– У тебя есть координаты?

– Для телепорта? Есть, но сам видишь, куда я...

– Погнали. Давай скидывай. Координаты. – Над ним возник серебристый кружок ПППД (порт для прямой передачи данных). Его в народе называли «Очко».

– Но как мы отсюда...

– Пойдем через «Детские».

– «Детские»?

Зупан по-птичьи наклонил голову и посмотрел на него:

– Ты не знаешь про «Детские»? Тебе лет сколько?

Сися поймал правду, до того как она вырвалась из его уст, и придушил кашлем в горле:

– Гм.

– Понятно, – сказал Зупан. – Ты на самом деле малец, не только так выглядишь.

– Я не...

– Мне похщй. – Буква Ц вырвалась чеканным цоканьем из его вороньего клюва. Сисе всегда казалось это ругательство... опечаточным? Что-то в нем было не так. Но смысл был ясен: Зупан, кем бы он ни был, не собирался сдавать Сисю полициям за несовершеннолетнюю телепортацию.

Сися сосредоточился на ПППД и скинул ему координаты.

– Ты знаешь, где тут ближайшая телепорточка?

– Без понятия. Но мне незачем. – Ворон извлек из своего виртуального инвентаря портативную телепорточку.

Глотка Сиси охладела. Он слышал о таких. Один из мифов сети – портки. Портативные телепорточки. Они все-таки существуют. Кто такой этот птаха?

Зупан царапнул землю когтями и клацнул кнопкой на своем портке. Из девайса вырвалась обслюнявленная глюонами серая нитка и прицепилась к Сисе, утянула за Зупаном. Пейзаж вокруг сменился на широкий коридор с мягкими стенами. Обивка была розовой, свет – приглушенным, всюду были разбросаны игрушки. По бокам – открытые двери в такие же мягкие уютные комнаты.

– На будущее запомни, – сказал Зупан. – У каждого мира есть детское ответвление типа этого. Сюда взрослые скидывают своих детей во время бизнес-путешествий. Это безопасное пространство, тут даже робоняньки есть на всякий случай. Называется «Детские». В общем, любой взрослый это знает. Это тебе на будущее для маскировки. Если захочешь под взрослого закосить. Погнали до Капитаныча, – он подмигнул и взмыл в воздух.

– Зачем мы здесь? Почему не телепортнуться напрямую к эко? Через порток?

– Заметаем следы. Так нас сложнее будет отследить, если че.

Сися еле поспевал за вороном, и времени глазеть по сторонам не было, но он уловил общую детсадовскую волну. Робоняnek за всю дорогу до выхода не встретилось ни одной. Выходом из «Детских» был круг на полу в тупике. Зупан приземлился и приглашающе махнул крылом. Сися ступил на круг, и они телепортнулись.

* * *

Жменя медиков ворвалась в кабинет Кэпа ровно через четыре часа двадцать одну минуту и тридцать две секунды после того, как он произнес «эко!» в первый раз. Руководитель жмени, Женя, зафиксировал точное время на своем дотрумановском дисплее на запястье. Разумеется, настоящим в этой группе был только он. Женя являлся так называемым семенем жмени, а остальные медики были не более чем дофрактальными проекциями разных фрагментов его мозга – материализованными аспектами различных предметов медицинской школы имени Абассаки, в которой он отучился целые 1,32 секунды субъективного времени.

До прихода медиков на протяжении четырех часов Ванита, секретарша Кэпа, стояла у двери в кабинет и все не решалась войти. Она интерпретировала периодический возглас начальника: «Эко!» как восхищенный ответ Кэпа собеседнику на другом конце линии и не могла рискнуть оборвать бизнес-конференцию, да еще и такую успешную.

Однако четыре часа – это не шутка, и она в итоге позвонила охраннику, который увидел на мониторе, что начальник вовсе не вел конференцию, а сидел за столом с трубкой в руке, залихватски вскидывал голову и все повторял: «Эко!» Совсем как в той социальной рекламе против наркотиков, которую так любили ставить малоимущим путешественникам перед телепортацией.

Охранник Вован незамедлительно позвонил в больницу и потребовал целую жменью срочно – один реальный медик и одиннадцать его отражений.

Ванита все так же не решалась войти (теперь уже по другой причине) и продолжала стоять с охладевшей чашкой кофе на подносе, осторожно заглядывая в кабинет.

Женя, семя жмени, посветил Кэпу в глаз фонариком и вздохнул:

– Правый глаз не реагирует. Предварительный диагноз – организм пациента решил, что глаз был потерян в ходе пиратской битвы.

* * *

«Это наверняка сон», – удовлетворенно подумал Сися, не открывая глаз после телепортации. Он гордился тем, что всегда со стопроцентной вероятностью мог отличить явь от наваждения. В этот раз это было просто, потому как он слышал одинаково невероятный и неоспоримый звук – голос его маман.

– Я – свистоблятка, – говорила она, – и мне тоже нужно сохраняться. – На ее голос был словно наложен эффект. Микрофон, колонка, сцена.

Мурашки пробежались по спине Сиси – десятки куцых потных типчиков. Его уверенность в том, что это сон, упала сначала до девяноста процентов, затем до восьмидесяти. А когда Зупан произнес: «Где это мы?», все встало на свои места. Сися открыл глаза.

Сися и его вороний компаньон находились в некоторого рода закулисных помещениях. Всюду были разбросаны картонные коробки со сбитыми углами, перемотанные коричневым скотчем.

Телепорточный колпак, в котором они возникли, походил на стоячий стеклянный презерватив с пимпочкой и раздвижной дверью. На нем висела полупрозрачная шаль – похоже, телепорт использовали здесь как вешалку.

– А. Я понял, – сказал Зупан и матершинно каркнул. – Ты когда мне передавал координаты, подумал о другой локации, так?

Сися смущенно потупился. Ему нечего было на это сказать. В плане воспитания его маман была последовательницей пути плазменного ремня. Непрошенная мысль вполне могла перекрестным огнем пронестись через его сознание в тот самый момент, когда он передавал координаты Зупану через [Очко]. И теперь они были именно там, куда его маман так опаздывала всего час назад. На ежегодном собрании свистобляток. И, судя по тому, что она была на сцене, а ее речь была первой, собрание только началось.

– Ничего страшного, пойдем опять через «Детские». Только на этот раз сосредоточься, окей?

Сися агрессивно закивал головой, наморщил лоб, сощурился и передал координаты в серебристое [Очко], возникшее над вороньей башкой.

– Окей, – сказал Зупан. – Где мы сейчас?

Сися уставился на него, как тукан на розовую «Волгу».

Зупан повторил свой вопрос и добавил:

– Для входа в «Детские» нужны координаты текущей локации.

Сися задумался. Маман никогда не упоминала адрес собрания напрямую – как же он передал эти координаты Зупану?

Зупан вскинул брови. Сися параллельно отметил, что у него все это время были брови. Он был не просто вороном, а вороном с бровями.

– Ты не знаешь, где мы?

Сися молчал, подмечая все новые детали физиономии Зупана – его клюв был с надусинкой, будто под ним предполагалась плоская челюсть. А ниже... кадык?

– Ты не знаешь, где мы, – утвердительно кивнул ворон с чересчур человечьими чертами. – Откуда взялась эта локация? Давай не тяни гуся за ядра.

– Эта женщина – та, что говорит сейчас, – Сися махнул рукой в сторону предполагаемой сцены, – это моя маман. Мать (слово «мама» звучит не круто, и Сися неспособен был так опуститься даже в подобной ситуации). Она собиралась на это собрание и...

– Собиралась на собрание. И?

– И я должен был вернуться до ее приезда домой. Вот я и подумал. Вспомнил об этом. Когда передавал тебе координаты. – Сисю осенило, и он хлопнул себя по лбу. – Логи. Логи же остались? Я передавал тебе координаты этого места, должна сохраниться об этом запись в твоём портке.

– Логи хранят только лохи, – мудро парировал Зупан. – Этимологически эти два слова происходят из одного и того же... слова. Я похож на лоха?

«Ты похож на человека», – подумал Сися, но ничего не сказал вслух. Хотя Зупан и притворялся вороной, он был явно взрослее Сиси. На это у мальцов есть особый нюх, не то чтобы Сися воспринимал себя дитем, но тем не менее. Он сделал ментальную заметку отключить сбор логов в настройках при первой возможности. Сися мог быть слегка помоложе, но лохом не был точно.

– Ладно. Мне все ясно. Ты баганут, – финальным тоном сказал Зупан. И, не дав Сисе времени прикинуться, что он понимает, что это значит, пояснил: – На тебе баг. Жучок. Кто-то, скорее всего, твоя мама, следит за твоим местонахождением. Когда ты скидывал мне координаты Капитаныча, то подумал про маман, что, в свою очередь, повлияло на процесс передачи данных. Скорее всего, баг активируется, когда ты думаешь о ней особым образом. Может, когда шалишь? – Зупан улыбнулся. У него были губы вокруг клюва. До чего странная птица. – К счастью, я могу хакнуть твой жучок и достать координаты, – он подозрительно усмехнулся.

– Это... хорошо? – спросил Сися, предчувствуя неладное.

Зупан прокашлялся. У него была человечья глотка с человеческим кашлем внутри.

– Понимаешь, такое дело. В связи с тем, что при перерождении тело обновляется, для того чтобы можно было вешать баги, внутри остается небольшой фрагмент тканей – специально. Госуцарство в первые годы постТрумана засаживало туда жучок, но потом прокачались нанотехнологии, и пропала необходимость, а это самое место осталось, этот фрагмент тканей. Так вот туда баги вешают до сих пор. Проста та.

– Просто так? – переспросил Сися.

– Простата, – уточнил Зупан.

(Далее следует описание процесса извлечения ипсионского жучка из простаты индивида вороном с чересчур человеческими чертами лица.)

* * *

Цок, оператор телепорточки, тот самый, что пропустил Сисю, предварительно облучив того подсознательной рекламой на неделю вперед, принял окончательное решение. Стоило желтому комбинезону мальчика скрыться из виду, Цок встал с кресла, подошел к стеллажу с рекламными пластинками и вытащил музыкальный сингл. Это был сингл дотрумановской группы Dereche Mode – Personal Jesus.

Музыкальные пластинки были строго запрещены в Телепорточках, но в этом и был смысл его действия. Суть его решения. «Меня уволят. Сегодня. Я добьюсь своего». Цок сдул пыль с пластинки показательно для своих внутренних зрителей. Прежде чем запустить песню, он глянул во внутренний чат оценить реакцию. Гатти, его преданные фанаты, подписанные на него десятилетиями, ликовали.

atGanja: «давай, бро, А-Я-Я-Я-Я-Й!!»

Dabie-dabu: «fuck yeah! Цок-Цок!»

Luddy: «ЦОк ЦОК ЦОК ЦОК ЭТО ЦОК».

Анон: «ЦОК ЦОК ЦОК».

Дальше чат покрыло кричалкой: «Цок-цок-цок-это-цок-цок-цок».

Цок улыбнулся пришельцам и включил песню. Плехнувшись в кресло, он принялся жмякать случайные кнопки под ритм музыки, щелкать тумблерами и водить ползунками, как деревенский диджей.

В этот самый момент Сися вешал свои ролики на крючок в будке 20. Что с ним произошло дальше, мы уже знаем.

* * *

«Пациент был доставлен в Бездвижный Дых в состоянии комы, вызванной препаратом эхо, см. приложенные логи и скриншоты».

Женя дописал последнюю строчку, свернул окно текстового редактора в ментальное завечье и устало потер глаза обеими руками.

Написание отчетов было самой нелепой частью его работы, но он распознавал ее необходимость. Машины могли писать идеальные репорты, но они никогда не ошибались. Человеческая ошибка, что навела другого человека на диковинную мысль, по-прежнему являлась самой полезной для продвижения цивилизации фичей.

Разумеется, и эта идея была порождена человеком с вероятной целью – оправдать причину для собственного трудоустройства.

Женя глянул во внутренний чат, где его 1,3 млн подписчиков обсуждали новейший дизайн футболки: на ней Женя в белом, скорее поварском, чем врачебном, колпаке, со стетоскопом на шее и сияющей улыбкой натягивал резиновую перчатку. Под изображением восклицалось: «Вот так!»

Он клацнул стрелочку вверх, и гатти разразились восхищенными аплодисментами. Для них его лойц был вроде сияющей печати Господа, что спустилась с небес и благословила продукт. Теперь, несомненно, этот дизайн войдет в моду, и его фанаты заполнят сеть фотографиями на фоне его громадного носового волоса, обнявшись клешнями, все в футболках «Вот так!»

До чего все-таки странно, что, когда, наконец, настал долгожданный момент контакта с пришельцами, вместо блестящих латексной кожей миндальноглазых серых на связь вышли именно гатти – пылевые клещи. Те самые, что всегда были с нами и жили и умирали среди холмов наших щек, лесов наших бровей, озер наших глазных яблок.

Как принято в истории науки, правда всегда была перед глазами, но настолько очевидна, что никому и в голову не пришло предположить, что самый обыкновенный пылевой клещ не только обладал умом, схожим с нашим, но и имел доступ в сеть. Хотя, с другой стороны, и про Симуляцию мы не догадывались, хотя пользовались сетью испокон веков, наивно полагая, что изобрели ее сами, не распознавая абсурдности самой концепции сети в реальном – не симулированном мире. Сеть тогда называлась Интернет, или Междусеть. Иронично и совершенно точно, учитывая слепые пятна человечества вокруг реальных источников Сети. Впрочем, Женя не был техником оптоволокон, его экспертиза заключалась в волокнах органических, чем он и воспользовался, запрограммировав в кухонном столе изысканный самодроч.

После того как судороги экстаза сошли на нет, он закурил табачную сигарету и откинулся на спинку стула.

– Сиба, – позвал он виртуального ассистента.

– Аye, sire, – отозвался Сиба. Женя был большим поклонником рыцарской тематики и прописал ему староанглийский голос.

– Роди О.

– Surely, my lord.

В углу комнаты возник полупрозрачный бублик и повис в воздухе, вращаясь. Сиса, как говорится, родил О.

Внутри бублика мелькали звуковые волны и вращались линии текста. Новостная лента. Некоторое время Женя пялился в проплывающий курсив, нежась в эмотивных лучах посторгазма. Белый прямоугольник света скользил по потолку, намекая на приближение заката. 04:37 – висели часы в углу его зрения. 04:38.

Вдруг его внимание зацепилось за сочетание слов в бублике О – три «Джеки Кэта» подряд. По данным ТАЗА, не исключена деятельность трансмейстера...

Женя увеличил картинку, раздвинув пальцами в воздухе, но кроме типичной журналистской воды из ТАЗА никаких существенных деталей к осмыслению не прибавляло.

«Трансмейстер, – подумал Женя. – Межизмеренный трикстер, способный магическим образом влиять на судьбы миров. Нихця себе».

* * *

Сися застегнул ремни своего мотоциклетного комбинезона. Щеки и жопа его пылали пламенем, но по разным причинам.

– Ты это... не сердчай, – повторил Зупан. – Должен был быть там жучок. Откуда же иначе взяться координатам?

– И действительно, откуда? – язвительно спросил Сися и уставился на картину, висящую на закулисной стене: боярин в шубе сидел на табуретке нога на ногу с телевизионным пультом в руках. У него были обрюзгшие щеки и скучающее выражение лица. Над боярином в прямоугольной раме висела вышитая крестиком красным по белому надпись: «ВСЛАСТЬ».

Голос маман уже не доносился со сцены: она отчитала свою речь и ее место заняла другая свистоблятка, голос – как у бородатой курочки. Сися вдруг осознал, что маман, возможно, сошла со сцены и движется сюда прямо сейчас. Они ведь были в закулисном помещении. Его окатило ушатом мурашек, и он рывком двинулся в неизвестном направлении, не думая о том, что при рандомной опасности любое направление одинаково губительно. Но вспенившийся адреналин и пылающий от вороньего проникновения зад не позволял стоять на месте, и вот он уже неся по сумеречным коридорам, игнорируя карканье Зупана позади.

Открыв случайную дверь, он оказался перед нататуированной женщиной, по складу тела походившей на носорога. Коротко стриженную и с усиками Дали. Она стояла на коленях и красила кисточкой здоровенную керамическую вазу.

– Ты кто? – спросила женщина.

– Пися Пикассо, – не моргнув глазом, выдал Сися. Все же он был мастером маскировки.

Женщина открыла было рот, чтобы уточнить насчет родства фамилии, так как она была по образованию искусствовед с фокусом на дотрумановской эпохе, но тут Сисю настиг захавшийся Зупан и вспорхнул ему на плечо.

– Прошу прощения за моего... кузена, – выдал Зупан и поводит головой. – Он любитель побродить где не надо.

Женщина не изменилась в лице, но тело ее напряглось, подобно рыси, готовой прыгнуть на жертву. Сися видел такое по телевизору в одной из тех популярных научных передач, где можно было выбрать, из чьей головы смотреть – хищника или добычи. Хищником было интереснее, но добычей страшнее, и момент, когда пробуждаешься от телегипноза в безопасности в человеческом теле, обладал неким особо привлекательным вкусом.

– Мы немного заблудились в мирах, не подскажете координаты локации? Где мы сейчас находимся? – спросил Зупан.

Сися безучастно, как во сне, пронаблюдал за прыжком татуированной искусствоведши, затем, как недокрашенная ваза разбилась о каменный пол, как царапнуло ногтем мизинца его

плечо под мотоциклетным комбинезоном, когда женщина схватила птичье тело Зупана в кулак и только перья его мультяшно взметнулись вверх.

* * *

Насколько хватало глаз, простиралась во все стороны спокойная синева океана. В безоблачном небе висело чистое солнце, пахло свободой: солью и водорослями. Палуба под ногами была деревянной и покачивалась на волнах скрипами и хрустами его корабля.

Кэп потрогал зажатую в зубах трубку языком и переместил ее в другой угол рта с характерным ощущением на зубах – тр-р-рык!

Ничто более не отягощало его душу, словно с плеч был снят тяжелейший спасательный жилет и открытое море – абсолютная опасность, освободила его от потребности в спасении. И стало так легко. Маниакальная гадалка человечности, мечущаяся из угла в угол черепной коробки, предсказательница, которая почти всегда ошибается, а когда случайно угадывает, возводит себя на пьедестал, на жертвенный дисплей: «Говорила я тебе, что будет так!», а замороженная бровями и морщинами обезьяна кланяется ясновидящей и говорит спс.

А как легко без нее! И как легко было избавиться: раз – и нету будущего. Щелк – и только прошлое, теперь только море и корабельные скрипы, когда половица скрипит: «Я здесь, я здесь, я здесь», каждый трущийся об трубу канат кряхтит: «Я тут, я тут, я тут» на своем личном языке, шелестят об борт волны: «Вот, вот, вот и вот», и Кэп посреди гармоничного хаоса исполняет свою собственную роль – выдает на репите свой личный скрип, исполненный восхищения возглас: «Эко!»

* * *

Долпа Йоп созерцал свое отражение в офисном зеркале. Без молоточной униформы он выглядел вполне себе героически – целеустремленный лоб, амбициозные брови, решительные скулы, мужественные челюсти. Единственное, что портило картину, – совершенно нелепый босяцкий нос. Блямба. Эту ситуацию можно было влегкую исправить нажатием мысли, выбрать себе любой нос, симуляция была богата на иллюзии, но было одно но – об этой смене носа в его виртуальном образе возникла бы прозрачная заметка.

Потенциальные дамы сердца неспособны без внешней помощи видеть подобных заметок ввиду их прозрачности, но у каждой достойной внимания дамы была установлена внешняя программка, позволяющая заглянуть в подобные прозрачные заметки, подобно тому, как теплое дыхание на натертое стекло обнажает его существование.

Само желание сменить нос отражает недовольство дефолтными параметрами, а следовательно, первичную неуверенность в себе. Йоп был чрезвычайно в себе не уверен, в том числе из-за блямбы, и в связи с этой неуверенностью не решался на смену своего дефолтного носа. Ему было невдомек, что дамы повыше уровнем на романтическом рынке интерпретировали анализ обнажающих внешних программок иначе. Они понимали, что джентльмены знают об их способности видеть прозрачные заметки и ценили их способность сменить нос вопреки этому знанию. Дамы повыше расценивали этот акт как признак личностного роста. Это оставалось негласным дамским секретом, что не передавался не ввиду конспирологии, а из-за того, что дамские уровни презирали друг друга. Те, что пониже, – от зависти. Те, что повыше, – от гордыни.

Ни те ни другие не догадывались о существовании уровня дам выше обоих левелов, что судили будущих партнеров исключительно по стилю бытия – мелким движениям, почерку и тому, как они отодвигают стул. В этом смысле этот высший уровень дам полностью совпа-

дал с низшим. Высший = мудрый после ума, низший – мудрый до ума. Первая и последняя ступень – одно и то же, а мудрость одинакова на вкус.

Йоп сполоснул лицо колодезной водой из бидона у раковины и сказал вслух:

– Who is better than me?

Он подглядел эту фразу в одной из постТрумановских мультипликационных интерпретаций извечной борьбы Давида с Голиафом, Brooklyn Knight. По сюжету мелкий служащий громадной и злой корпорации на протяжении полутора часов пытается развалить ее изнутри, и в итоге ему удается это сделать путем выдергивания ключевого сервера из розетки. У «Телепорточ Inc» розетки не было, но цель Йопа была ровно такой же, как у бруклинского рыцаря – сравнить компанию с землей. Но сперва ему предстояло возглавить ее, и сейчас (с Кэпом в наркотической коме) был его шанс. Сейчас или никогда. Выходя из уборной, он чуть было не столкнулся с Ванитой, что все еще держала в руках пресловутый поднос с подернутым дымкой кофе в чашке.

– Прошу прощения, не могли бы поддержать секунду? Я на пол поставить не могу, а некому...

Йоп глянул на нее как на полосу линолеума и продолжил идти, не сбавив шагу. Его ждали великие дела.

* * *

Зупан ходил по клетке из угла в угол, как животное в зоопарке. Так вышло, что искусствоведша спутала его со сбежавшей цирковой вороной и упекла в тюрючку без суда и следствия.

Малец с дурацким именем остался на свободе. Должно быть, в этот самый момент отхватывал дозу плазменного ремня от своей бородатой свистоблятки мамыши. А он, философ-психонавт восьмой степени, покоритель внутреннего космоса, оказался за решеткой.

Зупан был родом из Дииз-Натса, той самой республики, где факт Симуляции отрицался до последнего. С ранних лет Зупан увлекался этим вопросом и при каждом удобном случае принимался вещать об иллюзорности происходящего. Видок его, к слову, тогда был еще человеческий. Дииз-Натсовские мастодонты отказывались признать очевидное и неустанно подначивали Зупана ко всякого рода пакостям и веществам, чтобы сказать потом, видишь, мол, какие они, верующие в Симуляцию, пакостные и упоротые.

Зупан, будучи искрометным молодым человеком, велся на поводу у протеста и широкообъятно принимал все вызовы и вещества, что подкидывали ему взрослые скептики.

Таким образом, к своим шестнадцати годам он лично обнаружил существование внутреннего чата. Живущим вне Дииз-Натса в это трудно поверить, но там о существовании чата не рассказывали детям, а те взрослые, что исподтишка заглядывали в него, не задерживались в Дииз-Натсе надолго. Так как во времена всеоплетающей Сети удержать что-либо в секрете невозможно, население Дииз-Натса резво стремилось к нулю. Если бы не деревенские луддиты, что размножились где-то на периферии старомодным гетеросексуальным сунь-вынь, дииз-натсов давно бы уже не стало. Но и у тех были свои гатти-фанаты, у деревенских даже больше, чем у городских. Их незамутненная животность доставляла эстетическое удовольствие миллионам романтически настроенных пылевых клещей, и их микроскопические сердца оглушительно бились каждый раз, когда очередной деревенский I-1 (Ivan/Ай-уан) случайно направлял свое внимание в уголок ума и, обнаружив там гатти, покидал деревню и Дииз-Натскую область навсегда. Становился очередным рассекающим на роликах горожанином.

В тот день, последовав науське брата друга брата друга отца, Зупан употребил 15 миллиграмм ММДЭМС и, как выражаются психонавты, рванул на другой берег. Он обнаружил себя в другом измерении и по возвращении записал в своем трип-дневнике следующее:

«Пространство — как громадный ангар. До горизонта такой большой, что как будто на улице, но под крышей. Это, судя по всему, фабрика, конвейеры, аппараты, и там работают существа — они бегут ко мне, они выглядят как насекомые, удивлены, рады меня видеть, чувство, что они меня любят и не могут поверить, что я здесь. Смотрю на продукты, которые фабрика производит — это футболки с моим лицом и большие круглые диски типа виниловых. Везде мое лицо. Они выглядят как жуки. Один из них тычет лапой куда-то в угол, типа смотри туда, и я смотрю и вижу — чат? Как в дотрумановской сети на стриме. Пытаюсь что-то сказать, но фабрика начинает собираться как конструктор, очень эффектно складывается с деревянными щелчками, только чат остается. Я до сих пор его вижу».

После распада фабрики Зупан оказался в своей комнате, и эффекты ММДЭМС сошли на нет, за исключением окошка чата в углу зрения. Чат упорно не исчезал, и сообщения продолжали сыпаться.

Зупан пододвинул тогда лежащий поперек кровати синтезатор и завалился на бок, подложив руку под щеку. Он продолжал читать чат, пока не заснул — происходящее его не удивляло, феномен постэффекта был ему знаком.

Однако по пробуждении чат никуда не делся. И на следующий день и через неделю. Зупан не нашел способа ответить текстом, но жуки в сообщениях ему объяснили, как ставить лойц — стрелку вверх, что показывала довольство Зупана тем или иным постом. Кроме того, юзеры чата рассказали ему о Симуляции и о настоящем положении дел с Дииз-Натсем.

Едва тайное стало явным, он сложил свои артефакты, книги и записи в походный рюкзак и свалил из страны. Юзеры чата, что называли себя гатти, ликовали. Вместо стандартной в таких случаях отписки число подписчиков умножилось, и Зупан вскоре вышел в десятку самых наблюдаемых айуанов. Причины тому было две: во-первых, его яркое и заковыристое мышление было настолько неординарным, что притягивало гатти-лингвистов и гатти-психологов со всех пыльных уголков задиванья, а во-вторых, у Зупана завязался текстовый роман с одним из юзеров чата.

Несмотря на то что отвечать напрямую он не мог, Зупан продолжал ставить лойцы под каждым сообщением юзера lucky007. Такое внимание было не видано в мире гатти, и где-то за условным экраном Сети таял от любви скрывающийся за юзернеймом пылевой клещ. Их союз был неиссякаемым источником для фильмов и комиксов в мире гатти в лучших традициях Шекспира. На самом деле он клацал лойцы исключительно на удачу, это было его единственное суеверие. Гатти под ником lucky, да еще и 7. Лойц!

И сейчас, бродя из угла в угол клетки, в которую его поместила татуированная искусствоведша, он отстраненно щелкал лойцы, возникающие ровным потоком на сообщения от lucky007, не читая их. Удача была ему абсолютно необходима, чтобы выбраться из этой ситуации, и ирония заключалась в том, что в этих самых сообщениях от его гатти-воздыхателя и содержалась нужная для побега информация.

— Даймон! Крикни: «Даймон!» Громко крикни: «Даймон!!!»

Прошло не менее получаса, прежде чем Зупан прочитал лойцнутое им столько раз сообщение.

— Даймон... — проговорил он вслух, затем крикнул: — Даймон! — Прокашлялся и крикнул громче, с отчаянием: — Даймон!!!

— Чего тебе? — отозвался голос откуда-то сбоку. Зупан обернулся на звук.

* * *

Цок несся по хайвэйной рельсе на предельной скорости. Волосы его яростно развевались, а полоска розового глиттера на переносице контрастировала с безумной ухмылкой. Невзирая на архаусный спектакль, что он устроил сегодня в рубке оператора, жмякая рычаги под пластинку Dereche Mode, несмотря на дюжину пропущенных им откровенно несовершеннолетних персонажей (один из которых нагло посасывал чупа-чупс, совершенно не скрываясь), он до сих пор не был уволен. Более того, от начальства не донеслось ни малейшего писка. Ни сообщения. Ни звоночка. Ничего. В глазах его пылал сатанинский жог, он свернул с хайвэя на свою улицу, и ролики отцепились от рельсы, вращаясь с гелевым звуком тх-х-х.

Его план был прост: канистра с керосином, зажигалка «Зиппо» и пластинка Fuel группы Metallica.

* * *

Йоп оттянул воротник молоточной униформы большим пальцем, проглотил слюну, и тот мгновенно вернулся в свою удушающую позицию. Йоп уже решил для себя, что после захвата президентского кресла его первым указом будет смена униформы.

– Господа, – произнес он и окинул взглядом комнату в стиле дотрумановского офиса: длинный стол, черные стулья на колесиках. – Перед нами ситуация.

Лица присутствующих были настолько серьезны, насколько нелепыми были их одежды.

– Статус? – спросил Выва, директор прессы.

Йоп отметил оттенок вызова в его тоне на будущее.

– Вероятность – восемьдесят к двадцати. Как вы можете предположить, восемьдесят процентов, что Кэп не выберется из комы. Двадцать – что выберется.

Выва кивнул и сделал заметку в блокноте.

– Перед нами ситуация, – повторил Йоп, ухватившись за возникшую паузу, но его перебил Фруц, приземистый и пухлый хомячок мужичка, эдакий хомячок-мужичок с усиками, на голове здоровенный красный крест – символ медицинского дела:

– Фактически Кэп не в коме, – сказал он. – Прошу прощения за педантизм, но хочу внести ясность, чтобы все факты были перед нами, прежде чем принимать какие-либо решения. Его сознание пребывает в другом измерении, где мыслительная деятельность продолжается. Благодаря аппарату мы даже можем наблюдать из его глаз в реальном времени, хотя и в низком разрешении. Мозговые волны его чрезвычайно спокойны, как при глубокой медитации, но, судя по видеоряду, он вполне себе жив, перемещается по палубе.

– Эко! – воскликнул Пятка, директор комедии. Никто не засмеялся.

– Спасибо, Фруц, за поправку, – сказал Йоп весомо. Затем, не давая более шанса на перебивку, он выпалил: – Нам необходимо принять решение, кто займет пост Кэпа на время его... пребывания в другом измерении. Я как директор вероятностей выдвигаю свою кандидатуру.

Этот пассаж никого не удивил: Долпа Йоп был крайне амбициозным малым и одного департамента вероятностей ему было явно мало.

– Какова вероятность твоей победы в случае голосования? – спросил сухой, как палка, Брут, директор закона.

– 51% – ответил Йоп. На самом деле вероятность была около трех с половиной, но он неспроста занимал настолько высокую должность и знал, что иногда пресное настоящее необходимо подсластить ради вкусного будущего. Тем более что 51% это была реальная вероятность победы в голосовании, только не его, а Брута.

Судьба Йопа могла бы разрешиться прямо там, стоило Бруту попросить всех присутствующих проголосовать на месте, но подобного рода выпады были незаконны. В случае нарушения процедуры ему пришлось бы самоарестоваться, что впоследствии лишило бы его слова

всякого веса. Так что Брут промолчал. Впрочем, ложь Йопа была очевидна всем и так – он был известный пиздомяч.

Йоп принял его молчание за согласие.

– Что говорит медрепорт? – нарушил паузу Выва.

Фруц шелестнул тонкой стопкой лежащих перед ним листиков, поправил свои хомячьи очки на переносице:

– Исходя из данных энцефалограммы и пацифролазоврической гипотенузы анализа гипсоподдона структуры туфтериумной железы...

– Короче, – емко выразил всеобщий сантимент Пятка. – Какова вероятность того, что он очнется?

При слове «вероятность» Фруц непроизвольно глянул на Йопа и стушевался.

– При всем уважении... – начал Йоп.

Но Пятка оборвал его:

– Ша!

По укладу Телепортача у директора комедии была наивысшая позиция вне обычной иерархии компании – наравне с Кэпом. Одна из причин, почему Пятка был избран на эту деятельность, заключалась в том, что он этой привилегией не злоупотреблял.

Фруц не разбирался в политике, но его отец был дипломатом и приучил с ранних ногтей внимательно оценивать ситуацию и, едва запахнет жареным, говорить: «Я в этом вопросе не разбираюсь, обратитесь к тому-то и тому-то, он замечательный специалист». Тем самым одним батонном убивается сразу два воробья: снимается прямая ответственность и хвалится специалист. Если специалист вовсе таковым не является, ему перепадает любви, которую тот захочет непременно вернуть, и будет предоставлен образ, к которому можно стремиться – протянутая рука мотивации. А если специалист фейлит, то это уже его ответственность, а не Фруца.

– Обратитесь к мастеру вероятностей.

Мастер Долпа аж надулся от гордости.

– 20%. Точнее, 19.

* * *

«Мне хана», – думал Сися, шагая по закулисным коридорам вслед за нататуированной искусствоведшей. Они только что закинули Зупана в клетку в одной из боковых комнат и шли теперь в неизвестном направлении, наверняка к охраннику или полицияам, так или иначе, все дороги в этой ситуации вели к плазморемню на его и без того пострадавшей жопе. Он затравленно озирался по сторонам в поисках выхода, в то время как каждый шаг приближал неизбежное.

Двери по сторонам были распахнуты. В одной из них висел двойным гамаком громадный бежевый лифчик. В одной из чашечек – чернозем с салатowymi ростками. В соседней комнате кувшин на кофейном столике с жидкими телевизионными помехами – помехариками*, затем – зеркальная комната, комната с лестницами, комната, набитая стекловатой.

(Лирическое отступление о помехариках, секундочку внимания.)

* * *

Помехарики

Помехарики – это вещество, которое выглядит будто телевизионные помехи на пустом канале. Жидкость еле слышно шипит и двигается, как газировка, но вместо пузырей – белые и черные точки помех. Изобретатель помехариков Джиди Пуйка потратил 12 лет, прежде чем был достигнут идеальный баланс черных и белых точек. Однако история разработки помехариков берет свое начало задолго до того, как Джиди организовал свою знаменитую лабораторию Torch Labs. Задолго до того, как он выпустился из университета имени Громоздкой Громадины (УиГГ). Задолго до того, как он начал читать, говорить, понимать.

Родители Джиди были известными криптоархеологами, и времени на ребенка не хватало. Он был взрошен бабушкой Володькой и трехмерным телевизором «Хитачи». Когда ему было полтора года, произошел случай, изменивший всю его последующую жизнь.

Он привычно моргал каналами, и вдруг вместо видеоряда он наткнулся на помехи. Одна из телебашен временно вышла из строя, когда суицидальный подросток во время падения с крыши зацепился воротником за арматуру и сломал себе шею. В результате симуляция переродила его не на земле, у подножья башни, а внутри. Ягодица впаялась в панель управления эфиром. Нежданная органика вывела аппарат из строя, и, пока жменя медиков пилила подростку задницу, на канале «Труба» вместо привычных драм шипел черно-белый снежок помех. Джиди замороженно глядел в перемеркивающийся нонсенс на протяжении часа, пока трансляция не возобновилась.

Лишь пятнадцать лет спустя ему удалось сформулировать четкое описание эмоций, что вызвали в нем помехи по телевизору. Пока он пялился, ему было все равно. Ни весело, ни грустно. Все равно. Немо. Запись из дневника Джиди того времени:

18 октября.

Состояние транса, гипнозица, вызванная определенным расстоянием от глаз до экрана, походит больше всего на Когда Засмотрелся В Одну Точку

* * *

(Спасибо за внимание, возвращаемся к истории.)

* * *

Между тем искусствоведша продолжала трещать про Пикассо, не оборачиваясь на плетущегося за ней мальчика:

– Пикассо всегда воспринимали двояко: сперва – как он хочет, затем – как он может. Стереотипный диалог шел так: «Да, я тоже так могу нарисовать, что в нем великого?» На что принято отвечать: «Это он так видит как художник. Он на самом деле может рисовать, если захочет».

Сисе было, мягко говоря, не до Пикассо. Он лишь бормотал про себя: «Жопа моя, жопа моя объята пламенем».

Искусствоведша завернула за угол, двигаясь глубже в закулисы, в брюхо трагичного театрального монстра.

– А затем принято показывать его ранние работы как доказательство того, что он может, если захочет, но он просто не хочет.

Из-за угла донесся чих – чих маман Сиси, который ни с чем не спутать. Звук настолько мощный, что похолодевшие пятки развернулись сами по себе и Сися только спустя несколько секунд заметил, что бежит. В обратном направлении – туда, откуда они пришли, прочь от маман.

– Я и думаю, а кто-нибудь подлинность этих ранних работ проверял? Это точно он рисовал? – спросила искусствоведша и, не получив ответа, обернулась.

Сиси уже и след простыл, он несся по коридорам закулисья, сворачивая в случайные двери, увеличивая дистанцию между собой и своим предком с адреналиновым энтузиазмом.

Татуированная искусствоведша хмыкнула и потеряла глаза. Был ли малец на самом деле? Или ей опять показалось?

* * *

Зупану так и не удалось узнать, кем или чем был его мистический спаситель. После того как он, следуя совету своего воздыхателя, гатти Lucky007, прокричал вслух: «Даймон!» и получил ответ, он немедленно перешел к делу, не теряя ни секунды.

– Где это мы? Координаты, пожалуйста! – крикнул он.

Lucky007 во внутреннем чате разразился сердечками, и Зупан судорожно лупил по ним лойцами; ему была необходима каждая крупинка удачи, на которую падала вероятность.

Даймон шумно вздохнул:

– Лаки попросила тебе помочь с координатами. Но прежде чем я тебе их отправлю, одно условие.

Зупану это заранее не понравилось. Он потупился клювом и морально приготовился отказаться.

Зупан отметил, что Лаки и Lucky007 – это одно и то же лицо. Даймон говорил о гатти, и она была женского пола. У гатти, как оказалось, тоже был пол.

Серый аморфный мячик влетел между прутьев и плюхнулся на пол клетки. Он был прозрачным, внутри переливались черно-белые фильмы под водой. Зупан был знаком с этим форматом. Жвачный архив.

– Прежде чем я выдам координаты, прими этот архив.

В архиве могло быть что угодно. Зупан кроме степени в школе психонавтики был еще и матерым хакером и не втягивал какие угодно файлы в свое [Очко]. Но тут раздался грохот.

* * *

Вероятность того, что Сися случайным образом наткнется на комнату с Зупаном, была примерно 138 к одному, но в этот день с вероятностями было что-то не так, и он, ворвавшись в помещение, опрокинул клетку с белым попугаем в бикини, который крикнул по-французски что-то нелицеприятное, поправляя острым когтем спавшую бретельку.

Воображение Сиси рисовало сцену из кошмарного сна: татуированная искусствоведша настигает, три шага от него, два, один, она все знает, раскусила про Писю Пикассо, и его бородастая маман бежит за ним следом, вот-вот плазморемень хватанет его булки электрическим пламенем, су-у-ука!

Сися споткнулся о свой острый ботинок (ведь он с того мира, где игрушечный поезд пролетал в воздухе сквозь мыльно-пузырную палочку, еще ни разу не умер и симуляция не подкинула ему подходящие окружению ботинки). Сделав невольный длинный шаг вперед, он присел на колени и оказался лицом к лицу с мордатой вороной. Зупаном. Сися был настолько впечатлен, что оглушительно чихнул.

* * *

Зупан обосрался. Произошедшее за последние две с половиной секунды было чересчур внезапным, а его птичий сфинктер, как полагалось, не был осознанно управляемой частью тела.

– Я согласен! – выкрикнул он и подцепил жвачный архив клювом. – Втяну архив, слово психонавта! Координаты – сейчас! Забери меня отсюда!

Даймон немедля скинул координаты в раскрывшуюся над головой Зупана мишень [Очка]. Слову психонавта доверяли все – и на то была веская причина. Психонавты не бросались обещаниями налево-право. Ведь, стоит ему не соблюсти обещанное, в следующем трипе к нему придут теньевые сущности и предьявят Бумагу.

Зупан вынул порток и телепортнулся в Детские – сеть бэбиситтерских коридоров, сжимая архив в клюве, как аист новорожденного.

* * *

Сися восстановил равновесие и вцепился в прутья решетки. Зупан только что был там, и теперь его не было. Пшик! К горлу подступили совершенно беспонтовые слезы, которые мужчине были не к лицу. Вместо того чтобы сдаться судьбе, он принялся озираться по сторонам в поисках источника голоса, с которым только что говорил Зупан. Ряды клеток до белого потолка, дощатый пол, комната без окон, пахло краской.

– Va te faire foutre! – матюгнулся попугай в бикини откуда-то сбоку.

Искусствоведша в этот самый момент стояла у объявления на стене в километре от Сиси и внимательно читала его, сощурившись, а бородатая маман продолжала свой путь в уборную. Все, о чем она думала, – это дурацкая ошибка в ее речи, над которой теперь непременно будут смеиваться за спиной ее свистоблятские подруги. За Сисей на самом деле никто не гнался.

* * *

Прошло всего 24 секунды, прежде чем Зупан догадался о важности мальчика в этой ситуации. Ему было необходимо добраться до эко, чтобы вернуть себе человеческий облик, и Сися был его единственным шансом.

– Fuck... – выдохнул он и телепортировался обратно.

* * *

Зупан возник перед Сисей на прежнем месте, все так же сжимая в клюве жвачный архив. – Погнали, – брякнул он и махнул приглашающе головой.

Сися немедля расчехлил свое [Очко] и, ухваченный слюнявой ниткой портка, телепортнулся вслед за вороной.

– Quel bordel! – выругался попугай.

* * *

На полу коридора детской валялись: гармошечная гусеница, набитая хлопком, пластмассовая псина с удивленной мордой, фрагменты конструктора, почему-то кость. К ним не спеша приближался на гусеницах робот-нянька, вероятно, полагая, что Зупан намерен дронуть здесь своего сына. В его клюве все еще висел жвачный архив.

– Едва ноги унесли, – выдохнул Сися.

Зупан проигнорировал мальчика. Ему предстояло совершить монументальную глупость намеренно. Загрузить жвачный архив с неизвестным содержимым. Кота в мешке. Альтернати-

вой было нарушение клятвы психонавта, что было чревато ого-го какими последствиями. (Вот Бумага, распишитесь в получении.) Ох, ядри ж мои бока.

В первый год школы психонавтов студентам показывают трип-рекординг пройдохи Тимотé, который нарушил клятву и в следующем трипе вспомнил об этом. Зупана от воспоминания передернуло, и он поспешно выпустил жвачку на пол, раздербанил ее клювом и расчехлил свое [Очко].

– Это что это? – спросил Сися.

– Лихая карта, – ответил Зупан по-ковбойски, поддувая себе ветру в ментальные паруса. Робот-нянька подкатил к ним и представился хрипко-модулированным голосом из колонки:

– Здравствуйте, меня зовут Цитрофобик.

В этот момент Зупан запустил процедуру распаковки архива, и произошло то, что никто предвидеть не мог. Данные из архива вместо привычного белого лазерного луча трансмиссии, нацеленного в [Очко] Зупана, вдруг шарахнули фотоаппаратной вспышкой во все стороны, обдав информацией всех разом: Зупана, Сисю и Цитрофобика. Зупан, будучи технозадротом, немедленно распознал, что произошло: коридоры детских не были предназначены для распаковки жвачных архивов. Посему поведение программы было непредсказуемым. Официально такое положение вещей называлось «Нежданчик».

Результат: что бы ни было внутри того архива, повлияло на всех троих.

* * *

– Брута нужно убрать в первую очередь, – сказал Долпа вслух под струей горячего душа у себя в квартире через два часа после окончания конференции. – Ему нужно убрать волосы – сделать пробор. Прибрать их. Пробор налево, чтобы скрыть проплешину, – тут же забормотал он, покрывая вырвавшуюся правду кубометрами случайной лингвистической массы, чтобы сбить со следа на случай, если его прослушивали в душевой.

Привычно чекнув вероятность прослушки (17%), он развернул внутренний чат, намылил мочалку и принялся скроллить умом, попутно натирая плечи руками.

Thickboi: «У них нет шансов, рви!»

Chabon3: «Сто проц, вероятность сто проц!»

Dodanadaoo: «Кому еще? Бруту? Come on man, его дни сочтены!»

Долпа знал, что сообщения гатти в суде не играли роли. Пылевые клещи, хоть и были признаны разумными, не достигали уровня мышления, достаточного, чтобы влиять на дела гордых приматов. Тем не менее он верил в осторожность. Поставил лойц первым двум сообщениям, но не третьему. Третий гатти был чересчур экстремистским.

Намыливая лицо, он думал, как избавиться от Брута насовсем, другими словами – как заманить его в бесконечный лифт, а.к.а. бесколифт.

В мире, где физическая смерть является лишь небольшим финансовым неудобством, место прямого убийства занимает бесколифт – виртуальное пространство с сетью из трех миллиардов лифтов. Человека, от которого надлежало избавиться под тем или иным предлогом, заводят в это пространство и при помощи ловкой математической формулы телепортируют в случайный лифт. В лифтовой шахте два портала: тот, что внизу, ведет к тому, что сверху, и, стоит лифту опуститься до нижнего портала, тот немедленно возникает сверху, и спуск повторяется бесконечной петлей. Бесколифт.

В тот самый момент Брут был у себя дома предельно сосредоточен на своем древопазле. Для непосвященных: древопазл создается путем расфигачивания дерева в щепки, которые

затем надлежит сложить обратно в дерево. Процесс, занимающий иногда годы. У Брута, как и у всех остальных обитателей симуляции, лет было в избытке.

Он стоял на коленях в своей масштабной гостиной и прикладывал щепку к полусобранному стволу. Кроме древопазла в комнате были книжные стеллажи с одинаковыми книгами без названий в коричневых кожаных переплетах. В углу потрескивал камин, под потолком висела реставрированная люстра дотрумановской эпохи.

На Бруте был домашний мягкий халат того же цвета, что и книжные переплеты. Щепка вошла точно в свое место в стволе, и Брут удовлетворительно повел бровью. Это было наивысшей экспрессией радости на палитре его лицевых мышц.

– Сiba, поставь джаз, – обратился он к виртуальному помощнику.

Вместо ответа потрескивающую тишину наполнил нежнейший джаз, генерируемый в реальном времени Сибой.

[...Возвращаемся в квартиру Йопа...]

Долпа Йоп задумчиво вытирал спину, растянув полотенце диагональю от плеча до задницы. Когда Долпе было девять, он любил кричать: «Мама! Диагональ!», имея в виду «вытри меня». Он и сам мог вытереться после душа, большой мальчик, но ему хотелось внимания – его мама была ученой изобретательницей, не Эйнштейнхой, но одной из тех, что движут иглу прогресса вперед – неотвратно и медленно. Она изобрела железные клепы для поддержки плода во внутриутробном аппарате. С одной стороны, ее гений прикасался теперь к каждому человеческому существу, с другой – ничего крутого в изобретении железных клеп не было. По крайней мере, с точки зрения Долпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.